

Русское мировоззрение: историософский аспект

В. М. Камнев¹, А. А. Пирогов²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

² Медицинский техникум № 2,
Российская Федерация, 192102, Санкт-Петербург, Волковский пр., 106

Для цитирования: Камнев В. М., Пирогов А. А. Русское мировоззрение: историософский аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 4. С. 620–631. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.402>

В статье рассматриваются основные концепции русского мировоззрения в историософском контексте. Делается попытка сравнить этот феномен с другими национальными типами мышления. Описываются концептуальные причины кризисного падения европейской цивилизации. Отмечается, что одной из сущностных основ этого трагического явления стал тот факт, что Европа полностью оставила свои христианские корни. В результате чего прежний героический тип личности европейца оказался разрушен и на его месте сформировался новый тип — среднего европейца. В статье дано детальное описание русского мировоззрения, отмечается его патриотический, соборный, иррациональный и религиозный природный характер. Делается предположение, что понимание его особенностей возможно в сравнении с другими национальными типами мышления. Показано, что для русского народа свойственно метафизическое движение духа, особенно полно раскрывающееся в наиболее трагические периоды отечественной истории. Авторы считают, что для русского мировоззрения всегда характерно внутреннее соотнесение с метафизической истиной. Для современного европейца, утверждают авторы статьи, такое мировоззрение весьма загадочно и опасно, поскольку соотносится с позабытыми христианскими истинами. Сегодня исторические обстоятельства пробуждают глубинное самосознание русского народа, а также напоминают о необходимом развороте к религиозной идее как единственной объединяющей нацию и питающей ее надеждой. В статье делается вывод, что своим существованием Россия задает Европе фундаментальные бытийные вопросы: о персонализации истины в истории, о мире и войне, — а также несет уникальное мировоззрение, которое интуитивно, глубоко религиозно и иерархично.

Ключевые слова: мировоззрение, история, свобода, политическая религия, демократия, истина, цивилизация, эпоха, прогресс.

Н. А. Бердяев в работе «Смысл истории» определяет сущность философии истории как «некоторое одухотворение и преобразование исторического процесса» [1, с. 23]. Это значит, что русский мыслитель свою духовную судьбу обязательно соотносит с эпохой, пытаясь вникнуть в ход великих событий и интерпретировать их, а также полуосозаемые предметы и ясные символы, которые каждая цивилизация являет. Обратимся к актуальным для нашего времени философским интуициям К. Н. Леонтьева, который, по выражению Н. А. Бердяева, «остается живым и для нашего времени, для нашей религиозной и социальной мысли» [2, с. 283].

С большой долей осторожности можно утверждать, что сегодняшняя Европа полностью оставила свои христианские корни и, по выражению К. Н. Леонтьева, «смешивается в действительности и упрощается в идеале» [3, с. 159]. Средний европеец как мировоззренческий и поведенческий тип стал абсолютной вершиной европейской цивилизации и основной причиной ее разрушения. Леонтьев в статье «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» пророчески выделяет социальные и культурные причины кризисного падения европейской цивилизации: «Нет, — они все очень довольны тем мелким и средним культурным типом, к которому по положению своему в обществе и по образу жизни принадлежат они сами и к которому желали бы для всеобщего блага и для всеобщего незатейливого достоинства свести и снизу, и сверху окончательно весь мир» [3, с. 217]. Это довольство не ограничено комфортом и уверенностью в завтрашнем дне, но «эти люди прежде всего не знают и не понимают законов прекрасного, ибо всегда и везде именно этот средний тип менее эстетичен, менее выразителен, менее интенсивно (т. е. высоко) и экстензивно (т. е. широко) прекрасен, менее героичен, чем типы более сложные или более односторонне крайние» [3, с. 217]. Причина катастрофы европейской цивилизации заключается в разрушении культурного героического типа личности нового европейца. Его бытие больше не основано на вере и внутренней интуиции, позволяющих успешно распространять дерзновенное мышление за пределы унифицированного, однообразного и уютного европейского мира.

Иными словами, человек так поступает, потому что он прежде оставил Христа. Не этот ли патогномичный тревожный симптом характеризует завершение триумфальной европейской истории? Свой усредненный мир «прогрессивный» европеец ныне тщетно пытается распространять на все человечество, сводя духовный процесс сущностного соотнесения с Истиной до примитивного обретения индивидуального блага и личного комфорта. Эту глобальную миссионерскую идею заметил еще Н. Я. Данилевский, когда риторически вопрошал: «Разве Европой не выработано окончательной формы человеческой культуры, которую остается только распространять по лицу земли, чтобы осчастливить все племена и народы?» [4, с. 88]. Наступило всеевропейское погружение в сытое довольство, вживление в естество посястороннего прогрессивного и благополучного мира без Христа. Европейцу показалось, что только он сам удостоверяет свое бытие. Мир теперь для него существует исключительно здесь и сейчас, в земной реальности, где метафизического соотнесения личности с вечностью не предусмотрено. Он долго жил на фундаменте, который был основательно заложен не только гениями, философами Средневековья и великими мастерами эпохи Возрождения, но также — миллионами пассионарных многонациональных предков, создававших напряженность европейского исторического процесса. Войны и потрясения, нашествия варваров и революции не нанесли этому основанию такого ущерба, какой нанес средний европеец, своими руками вырвавший национальные исторические корни, выломавший божественный краеугольный камень из мировоззренческого фундамента своего коллективного дома.

Падение европейской цивилизации сопровождается смешением, которое К. Н. Леонтьев определяет как «смешение сословий, наций, религий, даже полов, смешение, произошедшее прежде всего от равноправности» [3, с. 219]. Современная Европа в своей глобальной одинаковости больше не напоминает ни Римскую империю,

ни Британскую, ни Германскую. При переезде из страны в страну все остается прежним, унифицированным, поскольку вместе с традиционными ценностями исчез старый, узнаваемый европеец как национальный, героический, культурный тип. Иерархия и имперскость сменились диктатурой либеральной демократии, которая репрезентируется не чем иным, как системой релятивизма, где свобода выражается лишь в трескучей риторике и нездоровой толерантности к девиантным меньшинствам, все национальное и индивидуальное жадно поглощено индивидуализмом, расчетливый меценат и скучный потребитель заменили мужественного героя и дерзкого мечтателя, христианский культурный тип вытеснен на периферию субкультур. Все то, за что некогда в традиционной викторианской Великобритании осуждался Оскар Уайльд, стало узнаваемыми символами сегодняшней Европы: гедонизм, уранизм, этический релятивизм и безнравственность. Нельзя игнорировать тот факт, что «уязвимость либеральной теории толерантности таится прежде всего в признании одного образа жизни как наилучшего из всех возможных» [5, с. 19]. Более того, в либеральной идее напрочь отсутствует иерархия, которая заложена в природе самого творения. Внутренняя суть западной демократии лицемерна и лжива, система колеблется между деспотизмом и консерватизмом, облекающая сущностные смыслы в никчемные словесные игры. Н. А. Бердяев повторяет эту мысль в своей работе «Философия неравенства», настаивая, что христиане равны только перед Богом, равенства в материальном мире не существует [6]. Вторит мыслителю и С. Л. Франк, противопоставляя гармоничную и духовную русскую соборность атомистическому хаотическому множеству, где множество преобразуется в целое неестественным образом и принудительным путем — «лишь через государственное принуждение, через внешнее объединение... через искусственное склеивание непримиримых элементов» [7, с. 180]. Между тем русский дух всегда настроен на принципы общности, иерархии и корпорации, а европейский и англосаксонский индивидуализм ему исторически противен и органически чужд, и поэтому никогда не может быть доминирующим в России мировоззрением.

С. Н. Булгаков отмечает тот факт, что «определяющей силой в духовной жизни человека является его религия» [8, с. 240], это мировоззренческая основа, высшие и последние ценности. Разбожествленная религия современного европейца — это сущностный либерализм, где индивидуальное поглощено индивидуализмом, личная свобода заменяется разговорами о свободе других, право коллективного выбора становится исключительным правом девиантных меньшинств диктовать волю психически здоровому большинству. От марксизма Европа унаследовала диктаторское пренебрежение индивидуальным, обезличение человеческих отношений и национальных культур, нивелирование ценности жизни: «...теоретическое игнорирование личности, устранение проблемы индивидуального под предлогом социологического истолкования истории необыкновенно характерно и для Маркса. Для него проблема индивидуальности, абсолютно неразложимого ядра человеческой личности, интегрального ее естества не существует» [8, с. 244]. Нетрудно заметить, что марксизм — одна из форм разбожествленной религии, не что иное, как превращенная форма политического, которая в Европе преломилась освобождением от всего христианского. Христос изгнан из общеевропейского дома, в котором современные люди комфортно устроились в ожидании благ утопического прогресса. Проповеди любви, милосердия и сострадания теперь лишены своего

трансцендентного центра, они лишь звуки ради звуков, треск сухих поленьев в дорагающем костре ветхих, бесполезных традиционных ценностей. Гуманистические призывы защищать природу, животных или кого-либо еще — это не более чем эмоциональные словесные игры, которым граждане уютного мира всерьез не придают никакого бытийного значения.

Современная Европа переживает культурное, эстетическое и идейное падение; его причина отчасти в том, что «вершина немецкого идеализма закончилась отвесным обрывом. Произошла, вскоре после смерти Гегеля, беспрецедентная философская катастрофа, полный разрыв философских традиций» [8, с. 250]. Европа постепенно ушла от идеализма, долго идейно блуждала в материализме, искала нового духовного утешения в разбожествленных религиях: марксизме, фашизме и либеральной демократии [9], поскольку отказалась от Христа как единственного метафизического центра своей истории. Эрик Фёгелин точно заметил, что прежде «западное христианское общество было артикулировано на духовный и мирской порядок, с папой и императором как верховными представителями и в экзистенциальном, и в трансцендентальном смысле» [10, с. 242]. Ныне средний европейский тип больше озадачен своей гендерной принадлежностью, чем торжеством Истины, он испытывает чувство вины и смущения при упоминании о любых религиозных убеждениях и позорно стыдится своей многовековой христианской истории, духовные авторитеты для него не существуют. Индивидуализм стал одним из плодов его псевдорелигии, а традиционная имперскость, прежде стоявшая гарантом защиты веры, дружно порицается как нечто устаревшее, негативное, усиливающее разрыв между европейскими государствами.

Говоря метафорически, произошло духовное похищение Европы. Сегодняшний средний европеец образно напоминает обезьяну со старинной церковной фрески в Кафедральном соборе святых Петра, Павла и Андрея в английском Питерборо. Ловкое существо сидит напротив совы, которая олицетворяет мудрость. Примат, ухмыляясь и кривляясь, беседует с совой. Обезьяна полагает, что крепко удерживает мудрость в цепких лапах, постигает скрытый философский смысл феноменов и глубинную суть мироустройства. Обезьяна произносит ученые речи, вульгарно жестикулирует, она верит, что несет миру великие и спасительные идеи. Это монолог, театр одного актера. Сова невозмутимо сидит напротив, ее клюв закрыт, она хранит молчание. Ведущая философский диалог парочка несется на спине козла, который олицетворяет страсти человека: ложь, похоть, властность, лицемерие и гордость. Обезьяна расположилась спиной к направлению движения, сова — по линии движения. Современный европеец забыл, что не властен над временем, что находится спиной к будущему, отчетливо видит лишь свое прошлое. Сова, изображенная на старинном церковном орнаменте, слепо и безучастно смотрит на свою спутницу. Возможно, совсем ее не слышит, не отвечает на вопросы. Лишь изредка современная европейская философия может раскрыться плодом прозорливости. Когда говорит кривляющаяся обезьяна, мудрость предпочитает молчать. У лжи всегда слепые глаза, даже если назвать ее философской мудростью. Слепая сова не увидит, где она находится и куда двигается. Современный европеец чаще говорит об истине, чем говорит с Истиной. Он перестал говорить с персонафицированной Истиной, стыдится ее, больше не ищет Христа, не нуждается в Его участии в повседневности. Он успокоился, построил свой уютный мир и возвещает

о глобальной мудрости всеобщего комфортного высшего благоденствия. Европейец все нашел в посястороннем мире, перестал быть колеблющимся типом личности, озадаченным бытийными вопросами. Между тем, отвергая Христа, европейец отверг свою историю, отказался от источника жизни и от небесной перспективы движения, погрузился в варварское саморазрушение, поскольку «история потому только и есть, что в сердцевине ее есть Христос. Христос и есть глубочайшая мистическая и метафизическая основа и источник истории, драматической, трагической судьбы ее» [1, с. 60]. Современный европейец добровольно духовно оскотил себя ради того, чтобы бесполом евнухом беззаботно жить при храме своей богини, которую зовут европейской цивилизацией. Все бытийное им отдано ради обретения земного блага, высшим проявлениями которого являются комфорт, глобальная безопасность и материальное благополучие. Следствием этого является скука, которая охватила среднего европейца. Уверенность в завтрашнем дне — это отнюдь не уверенность во Христе, надежда на земное воздаяние — это не надежда на Бога, но только следствие полной укорененности здесь, в действительности земного покоя, в иллюзиях юта и вечного благополучия.

Европейец скрылся от Бога в посясторонний мир, в комфортную действительность подобно тому как Адам спрятался от Бога в дарованном ему мире, и пытается подальше отойти от Христа, от религиозной объединяющей идеи, от трагедии распятия. Он больше не слышит Его голос, не желает диалога, он сам стал богом. Новая европейская цивилизация вторгается в сокровенную природу человека и ломает ее, разрушая основу самой личности, ее сущность, внутреннюю свободу, стремление к вечному, к прекрасному, к святому. В итоге перед нами предстает пустотелый раб своей идейной успокоенности. Раб лжет, чтобы выжить, ему свобода не нужна, он хочет всего здесь и сейчас. Честность — это добродетель, присущая немногим познавшим, что свобода ценнее личного благополучия. Верно подмечено, что правда — это бог свободного человека. Желанная русским характером идея обретения блага в правде и свободе совершенно чужда современному европейцу, поскольку напоминает про образ Бога, который он так старательно стирает в себе и в культуре.

Здесь мы подходим к самому основному вопросу русского человека: «Что есть истина?» Этот вопрос Пилат задал Христу. Истина находилась напротив Пилата. Именно эту Истину отвергает современный просвещенный европейский культурный тип. Образно выражаясь, человек может солгать, когда не смотрит в глаза Христа. Он может также промолчать, но не лгать. Русский живет так, словно Бог постоянно смотрит на него, видит его и знает. Русский не обуюн гордостью нести прогресс европейскому миру. Он осознает факт того, что, когда стоишь перед Истиной, важно смиренно хранить молчание. Поскольку все слова о Ней — это только речи падшего человека. Придет день, когда русский мир вновь заговорит, и слова эти будут о солнце правды, о Христе.

Не нужно быть пророком, чтобы понять, что наступил бесславный конец индивидуалистического потребительского мировоззрения, сводящегося к шопингу, еде, турпоездкам и секс-развлечениям. На сцену души выходит разрушительный демон одиночества. Вместо духа человеку предлагается искусственный разум. Для него ничего божественного и сакрального в духовном мире нет, он сам и есть сакральное, соединенное с плотью, он сам — это новый разбожествленный, утопичный

мир. Современный европеец возжелал бессмертия посюстороннего. Он не постиг простой христианской истины, что человек приходит для бессмертия потустороннего, которое удостоверяется только Богом, а начинается в земной жизни, суть которой — подготовка к вечности.

Н. А. Бердяев говорит о войне, и на вершине человеческой культуры, и в самом ее конце, внешний мир скрывает глубинный огонь, тогда как «апокалиптическое чувство истории противоречит вечному миру. Все утопии земного рая, мира и благоденствия на земле разбиваются об апокалипсис» [6, с. 116]. Одинокому человеку теперь, среди боли, трагедий и бедствий, снова нужен человек, не для развлечений и удовольствий, но чтобы по-детски беззащитно заплакать и осознать себя ищущим, колеблющимся, ничего не знающим и алчущим только правды. Слышать и любить своего ближнего, следовать метафизической сути бытия, не выискивая для себя материальных благ, — это признак истинной свободы. Европе нужно стать как наивное дитя, вновь обрести утерянную веру, представляющую собой не фанатичный прыжок в неизвестность, не трусливое бегство от ужаса реальности, но радикальный ответ на стирание человеческой бытийности, на навязанную личности рабскую зависимость от обстоятельств и мнений, сопутствующих тотальному распаду системы основных этических и жизненных ценностей.

В современной Европе происходит процесс, подобный падению древнего мира, которое «определилось не только нашествием варварских народов, которые разрушили ценности древнего мира и открыли период варваризации, но и какой-то внутренней болезнью, которую все более и более признают историки, в корне поразившей эту культуру и сделавшей неизбежным ее падение именно в период величайшего ее внешнего блеска» [1, с. 116]. Военная и идейная консолидация европейских стран, которую мы наблюдаем сегодня, происходит не на основе христианских ценностей, но на непрочном фундаменте одной из форм разбожествленной религии — либеральной демократии. Пандемия COVID-19 смертельно напугала тело Европы, напомнила о присутствии в истории небытия и тления, реальностей, существенно ограничивающих мнимую свободу, но совсем не научила любви к Богу ее душу, которая некогда всецело ему принадлежала. Христианство, принесшее процветание Европе, стало ныне печальным памятником на могиле ее многовековой истории. Титан Возрождения больше не придет, не спасет рухнувшую культуру, не воскресит ее бездыханное тело, не опередит своим мышлением столетия. На смену непобедимому творцу истории явился скучный прагматик-индивидуалист, новый варвар, видящий смысл жизни исключительно в земном процветании и личном успехе, в тотальном разрушении прежнего христианского мира.

Н. А. Бердяев настаивает на том, что история напоминает природу, в которой «существует ритм, ритмическая смена эпох, смена типов культуры, приливы и отливы, подъемы и спуски» [1, с. 218], а ему довелось жить на рубеже эпох, когда обнажаются добро и зло, зарождается новый мир. Для осмысления современности идеи Бердяева обретают высокую актуальность, поскольку сегодня снова происходит смена эпох, «переход от рационализма новой истории к иррационализму или сверхрационализму средневекового типа» [1, с. 222], наблюдается полное отсутствие идейного и триумфального прогресса европейской истории. При этом нельзя не заметить, что в России рождается новый человек, ищущий бытийной осмысленности. Целью данной статьи является актуализация наиболее важных и основных

аспектов русского мировоззрения в историософском контексте. Понять это мировоззрение отчасти возможно, лишь сравнивая его с другими национальными типами мышления.

С. Л. Франк отмечает, что не может проникнуть в глубинную мистическую психологию «русской души», для постижения духа важна изначальная интуиция мыслителя. Он определяет суть русского мировоззрения как «продукт и выражение творящего индивидуального духа, духовной личности» [7, с. 161], которая экзистенциально тоскует, когда он рационально успокоен, когда быт его налажен, а будущее определено. Русский совсем не европеец, если под последним понимать робкое существо, отказавшееся от метафизического движения духа ради комфорта и материального благополучия. Война, внезапно ворвавшаяся в повседневную действительность, способствует новому раскрытию всех сущностных человеческих смыслов. Казавшееся прежде важным уходит на второй план, а то, что было отвергнуто как устаревшее, теперь приобретает насущную значимость. Все сущностное обнажено, больше нет лукавых неопределенностей, нерешительности, онтологического страха перед стихийностью того необъятного бытия русской души, что раскрывается навстречу Творцу, рвется к жизни в Нем. Говоря о своеобразии русского типа мышления, Франк отмечает, что «оно изначальное основывается на интуиции» [7, с. 163]. Это значит, что наиболее яркие философские идеи издревле формировались в России в литературных трудах, не в систематическом и понятийном познании. В этом смысле нам необходимо обратить внимание на русскую прозу и стихи, которые появились в период великих военных потрясений. Символика исторической плоти отражается в текстах. Стоит отметить, что, например, М. Хайдеггер не говорит негативно о России, а упоминает, что русские чувствительны к метафизике и являются загадкой для немцев [11]. Только ли для немцев? Разве современный европеец понял дух и душу русских? Ему ошибочно показалось, что он навсегда овладел телом России, купил его как предмет, направив мышление социального субъекта на мир сущий, но обладания духовным естеством ее он так и не получил, о чем свидетельствуют последние исторические события. Он так и не постиг, что русский с самого рождения борется за свое существование, его дух несокрушим.

Нам довелось жить в эпоху, когда исторические обстоятельства пробуждают глубинное самосознание русского народа, напоминают ему о необходимом развороте к религиозной идее как единственной объединяющей нацию и питающей ее надеждой. Это вызывает раздражение у «среднего европейца», абсолютно материального в своем сознании, давно уже забывшего, что мир без Христа перестает существовать. Отвергнув саму мысль об Абсолюте, этот пустотелый носитель посястороннего бессмертия хочет предать забвению и самих русских, познавших, что «правда — это единство справедливости, богоугодной жизни и теоретической “истины”, т. е. усвоение подлинного, истинного бытия» [7, с. 209]. Для русского христианско-эмоциональное толкование жизни на фоне глобального либерализма и псевдодемократии больше не выглядит жалким и смешным; наоборот, он способствует углублению его характера, возвращению к своим религиозно-мировоззренческим корням. Постепенно формируется новый тип героической личности, которая в своем мышлении и поведении не желает больше подражать ни французскому буржуа, ни английскому снобу, ни финскому хуторянину. Европейский тип теперь прочно и надолго отождествляется с враждебностью против самой

природы коллективного отечественного бытия, как оказалось, связанного с вечностью. Русский больше никогда не пожелает стать средним европейцем, личностью без выраженной религиозной пассионарности, без стремления к истине, свободной от божественного откровения.

Вне всякого сомнения, русский мировоззренческий тип — колеблющийся между добрым и злым началами, «русское мышление абсолютно антирационалистично» [7, с. 165] и метафизично. С. Н. Булгаков верно заметил, «что человеческой душой владеют и историей движут реальные мистические начала, и притом борющиеся между собою, полярные, непримиримые» [6, с. 240]. Для русского человека соотнесение себя с метафизической истиной является насущной потребностью, дух его эмпиричен, «критерий истины для него — всегда в конечном счете опыт» [7, с. 166]. Любая война противна натуре человека, но столкновение становится неизбежной данностью сегодняшнего мира, дает опыт открытия новой истины. Оказывается, есть еще на свете русский народ, который живет не для радости плоти, но ради торжества нетленного духа. Народ, «из всех народов мира наиболее всечеловеческий, вселенский по своему духу» [1, с. 238], потому в своей истории подверженный стольким соблазнам и искушениям. В основе войн всегда проглядывает религиозный компонент, вопрос, где, на чьей стороне истина, которая «не терпит рабского к себе отношения» [1, с. 230]. Война, по выражению Н. А. Бердяева, «вызывает трагический конфликт в душе христианина. Не добро и зло, не правда и ложь сталкиваются в этом конфликте, а два добра, две правды» [6, с. 250]. Война для русского — это богатый опыт экзистенциальных переживаний, который является важным инструментом познания целей жизни. Сложно отрицать, что только на трагическом фоне для него выстраивается внутренняя система иерархических идеалов, где «отечество есть непререкаемая ценность, и патриотизм есть высокое состояние духа» [6, с. 250]. Н. Я. Данилевский отмечал, что русскому всегда близка идея жертвования низшим ради высокого, но «русский патриотизм проявляется только в критические минуты» [4, с. 83]. Тревога, охватившая пока только часть российского общества, есть тревога экзистенциальная, сопутствующая продолжению жизни в вечности, перед лицом которой «нужно духовно вооружиться для борьбы со злом, обострить способность его различения, вырабатывать новое рыцарство» [1, с. 251]. Социальная жизнь во многом напоминает отражение души народа. Апокалиптические ожидания характерны не только для раннего христианства, но во многом присущи и сегодняшнему обществу. Это ни в коей мере не злорадное ощущение приближающегося конца света, а всего лишь часть той светлой надежды, которую дает Бог. В самой разрушительной буре есть и веяние тихого ветра. Это тот голос, который через все катаклизмы и бедствия должен слышать русский народ, избравший Христа своим покровителем и судьбой. С. Л. Франк пишет, что психологически русский — «человек, каким он предстает во внешнем мире, видится крошечной частью мирового целого» [7, с. 174], его мышление имеет холистический характер. Христос для него — целый мир, космос, где всегда находится место русскому народу. Можно провести параллели между движениями народной души и событиями общественной жизни и истории. На фоне сегодняшних трагических военных событий вопреки всем прогнозам о разрушении русского мира идет возвращение русского человека в свою человечность, в правдивую сущность, в соборность, в нерушимую общность. Эта национальная метафизическая

сборка происходит на фоне разрушения целостности человека и тотальной метамодернистской деконструкции. Мы наблюдаем чудо раскрытия подлинной русской натуры, стремящейся к конкретной истине, «совпадающей со справедливостью или святостью» [7, с. 185]. Западный субъект на российской почве перестает быть субъектом. Его разбожествленная сущность не в силах постичь русского метафизического мировоззрения. Удивление европейца вызывает также и тот странный факт, что в России не закончен эксперимент по созданию нового человека, который начался во времена Советского Союза. В эпоху перемен появился новый исторический герой, стоящий одним сапогом в Европе, другим в Азии. Россия больше никогда не будет с Европой как с центром культуры и христианской цивилизации. Европа пренебрежительно оттолкнула свою восточную сестру, обозначив варварской, непрогрессивной, неуспешной в деле построения демократии. Причина масштабного мировоззренческого расхождения кроется не в непредсказуемости русского характера, не в космическом, мятежном духе и вечном бунте против евроуспокоенности в вопросах бытия, а только в глубинном понимании сути истины. Россия образно остается той мятежной натурой, которая еще ищет Бога, необъятным пространством, где национальным нарративом принимается и осваивается религиозная мысль. Ветхий человек тлеет, духовный со дня на день обновляется, «русскому духу присуще стремление к целостности, к всеохватывающей и конкретной тотальности, к последней и высшей ценности и основе; благодаря такому стремлению русское мышление и духовная жизнь религиозны не только по своей внутренней сути» [7, с. 184]. Русскому позитивному духу, который «насквозь религиозен», продолжает Франк, чужды примитивные ценности западной жизни. Он не ищет успокоенности в сущем мире, но «обретает свою ценность лишь благодаря своему отношению к абсолютному, лишь как выражение и форма проявления абсолютного, абсолютной истины и абсолютного спасения» [7, с. 184]. Сегодняшняя Россия постепенно освобождается от навязанных извне смыслов, больше никогда не потребует европейских эмоциональных интерпретаций сущностных феноменов. Она сама создает феномены и их интерпретирует. Россия задает Европе неудобные фундаментальные вопросы: о персонализации истины в истории, о мире и войне, открыто говорит на запретные для европейцев темы, несет свое мировоззрение, которое глубоко религиозно и иерархично. Христос присутствует в ее отечественной истории. Разве этого недостаточно? Россия заявляет об этом всему миру, она не укладывается ни в одну из рациональных европейских схем. Если бы не Христос, Россия и ее народ перестали бы существовать. При этом не стоит забывать, что Н. А. Бердяев пророчески говорит о трагичной судьбе нашей истории, где каждой русской душе «нужно желать и мира, нужно чувствовать скорбь и ужас войны. Любовь должна победить зло и раздор» [6, с. 250], но стоит помнить, что «народ русский должен быть крепкой национальной индивидуальностью» [1, с. 238]. Завершающее указание на любовь как совокупность совершенства затрагивает еще один из аспектов русского мировоззрения, а именно — его оптимистичность. Если умру, то, как и мой народ — обязательно воскресну!

Русская история — это живая и духовная ткань своего времени, которая «говорит о победе нетленности» [1, с. 24], поскольку в ней присутствуют божественная реальность и тайна. В этом смысле она и объяснима, и необъяснима. Мы можем интуитивно разглядеть ее онтологические признаки настолько, насколько нам это

позволил Бог, интерпретировать закономерности вослед тем мыслителям, кто обладал признанной философской прозорливостью. Драматизм русской истории, ее взлеты и падения связаны не столько с принятием и оставлением христианства как внешней формы религии, сколько с обладанием и отвержением той структурной формы бытия, которую несет миру Христос, «этой мощи свободы, возвращение человеку его высокого божественного происхождения, стирание с образа его этой рабьей печати, печати звериного происхождения, совершается через христианское искупление, через явление Божественного Человека, Богочеловека, Человека как второго лица Божественной Троичности» [1, с. 110]. Попытка европейца получить ответ на загадку России должна начинаться с признания того факта, что «Россия — это как бы заколдованное место, где онтологическая оставленность, безытийность пути западной цивилизации, при попытках следовать ему, кончается срывом в страшные бездны» [12, с. 446]. Русское мировоззрение глубоко метафизично, интуитивно и в полной мере раскрывается в трагическую эпоху бедствий и военных потрясений, но это знаменует лишь победу Христа, всецело властвующего над миром и историей.

Литература

1. Бердяев, Н. А. (2017), *Смысл истории. Новое средневековье*, М.: Канон+.
2. Бердяев, Н. А. (1991), *Константин Леонтьев: Очерк из истории русской религиозной мысли*, Свердловск: Изд-во Урал. ун-та.
3. Леонтьев, К. Н. (2007), Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения, *Полное собрание сочинений и писем*, в 12 т., т. 8, кн. 1, СПб.: Владимир Даль, с. 159–233.
4. Данилевский, Н. Я. (2020), *Россия и Европа*, СПб.: Азбука.
5. Быстров, В. Ю., Дудник, С. И. и Камнев, В. М. (2020), «Толерантность справа»: концепты и практика, в: Дудник, С. И., Кротов, А. А., Миронов, В. В. и Осипов, И. Д. (ред.), *Философия истории философии: сб. науч. ст.*, СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, с. 11–40.
6. Бердяев, Н. А. (2012), *Философия неравенства*, сост. и отв. ред. Платонов, О. А., М.: Ин-т русской цивилизации.
7. Франк, С. Л. (1996), *Русское мировоззрение*, СПб.: Наука.
8. Булгаков, С. Н. (1993), Карл Маркс как религиозный тип, в: Булгаков, С. Н. *Сочинения*: в 2 т., т. 2. М.: Наука, с. 240–272.
9. Джентиле, Э. (2021), *Политические религии*, пер. Станжевский, Ф., СПб.: Владимир Даль.
10. Фёгелин, Э. (2021), *Новая наука политики*, пер. Селивёрстова, Н., СПб.: Владимир Даль.
11. Хайдеггер, М. (2020), *Черные тетради 1939–1941*, М.: Изд-во Института Гайдара.
12. Камнев, В. М. (2010), *Хранители и пророки. Религиозно-философское содержание русского консерватизма*, СПб.: Наука.

Статья поступила в редакцию 30 сентября 2022 г.;
рекомендована к печати 7 сентября 2023 г.

Контактная информация:

Камнев Владимир Михайлович — д-р филос. наук, проф.; kamnevladimir@yandex.ru
Пирогов Алексей Александрович — канд. филос. наук; alekseipirogov69@mail.ru

Russian Worldview: The Historiosophical Aspect

V. M. Kamnev¹, A. A. Pirogov²

¹ St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

² Medical Technical College no. 2,
106, Volkovsky pr., St. Petersburg, 192102, Russian Federation

For citation: Kamnev V. M., Pirogov A. A. Russian Worldview: The Historiosophical Aspect. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2023, vol. 39, issue 4, pp. 620–631. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.402> (In Russian)

The article explores the basic concepts of the Russian worldview in the historiosophical context and the comparison of this phenomenon with other national types of thinking. The reasons for the crisis fall of European civilization are described. It is noted that one of the main reasons for that tragic phenomenon was the fact that Europe has completely abandoned its Christian roots. The authors insist that historically there was a formation of the personality of a new European, which came because of the destruction of the former heroic type. The article also describes in detail the Russian worldview, its patriotic, collective, irrational and religious nature. It is noted that the Russian is characterized by a metaphysical movement of the spirit, which is especially fully revealed in tragic periods of national history. The authors believe that for the Russian type of worldview is important the process of correlation with metaphysical truth. The authors emphasize that for a modern European, the Russian worldview is mysterious and dangerous, because it correlates with the forgotten Christian truths. In conclusion, the authors suggested that Russia asks Europe existential questions: about the personalization of truth in history, about peace and war, and carries its own unique worldview, which is intuitive, deeply religious and hierarchical.

Keywords: worldview, history, freedom, political religion, democracy, truth, civilization, epoch, progress.

References

1. Berdyaev, N. A. (2017), *The meaning of the history. The New Middle Ages*, Moscow: Kanon+ Publ. (In Russian)
2. Berdyaev, N. A. (1991), *Konstantin Leontiev: An Essay from the History of Russian Religious Thought*, Sverdlovsk: Ural University Press. (In Russian)
3. Leont'ev, K. N. (2007), The average European as an ideal and an instrument of worldwide destruction, in: Leont'ev, K. N., *Sobranie sochinenii i pisem*, in 12 vols, vol. 8, book 1, St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., pp. 159–233. (In Russian)
4. Danilevskij, N. Ya. (2020), *Russia and Europe*, St. Petersburg: Azbuka Publ. (In Russian)
5. Bystrov, V. Yu., Dudnik, S. I. and Kamnev, V. M. (2020), "Tolerance on the right": Concepts and practice, in: Dudnik, S. I., Krotov, A. A., Mironov, V. V. and Osipov, I. D. (eds), *Filosofia istorii filosofii: sb. nauch. st.*, St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russian)
6. Berdyaev, N. A. (2012), *The philosophy of inequality*, Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii Publ. (In Russian)
7. Frank, S. L. (1996), *Russian worldview*, St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)
8. Bulgakov, S. N. (1993), Karl Marx as a religious type, in: Bulgakov, S. N., *Sochineniia*, in 2 vols, Moscow: Nauka Publ., pp. 240–272. (In Russian)
9. Gentile, E. (2021), *Political religions*, trans. by Stanjevsky, F., St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ. (In Russian)
10. Voegelin, E. (2021), *The New Science of Politics*, trans. by Seliverstova, N., St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ. (In Russian)

11. Heidegger, M. (2020), *Black Notebooks 1939–1941*, Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara Publ. (In Russian)
12. Kamnev, V.M. (2010), *Guardians and prophets. Religious and philosophical content of Russian Conservatism*, St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)

Received: September 30, 2022

Accepted: September 7, 2023

Authors' information:

Vladimir M. Kamnev — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; kamnevladimir@yandex.ru

Aleksei A. Pirogov — PhD in Philosophy; aleksepirogov69@mail.ru